СВЯТИТЕЛЬ ФОТИЙ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ

АМФИЛОХИИ.
ТРАКТАТ 1

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО,
ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ

Дмитрий Евгеньевич Афиногенов

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
профессор кафедры византийской и новогреческой филологии
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
119334, Москва, Ленинский пр-т 32А.
logotheta@mail.ru

Для цитирования: *Фотий Константинопольский, свт. Амфилохии. Трактат 1 / перевод с древнегреческого, предисловие и примечания Д. Е. Афиногенова // Библия и христианская древность. 2019. Т. 2. № 2. С. 78-108. doi: 10.31802/2658-4476-2019-2-2-78-108*

Аннотация

УДК 22.07 (276)

Трактат 1 из сборника «Амфилохии» св. патр. Фотия на примере истолкования конкретных мест из Библии объясняет методологию библейской экзегезы вообще. Во внимание должен приниматься не только богословский или исторический контекст, но также чисто филологические аспекты: семантика, интонация, языковой узус Нового Завета и Септуагинты, возможные разночтения и т. д. Патриарх убеждён, что при правильном пользовании этим инструментарием можно объяснить все кажущиеся противоречащими высказывания Св. Писания таким образом, что они окажутся в полном согласии друг с другом.

Ключевые слова: свт. Фотий Константинопольский, византийское богословие, библейская экзегетика, византийская филология.

Предисловие

Судьба свт. Фотия, патриарха Константинопольского, чей жизненный путь охватывает почти весь IX в. (ок. 810 — после 896), изобиловала разнообразными перипетиями, включая два периода пребывания на столичной кафедре (858–867 и 877–886), но также ссылки и опалы. В известном смысле «Амфилохии» разделили эту судьбу. Из пролога явствует, что они создавались в ссылке, последовавшей за смещением свт. Фотия с Константинопольского патриаршего престола в 867 г. Между тем, со слов самого святителя мы знаем, что император Василий I, отправляя его в ссылку, не позволил ему даже взять с собой собственную частную библиотеку¹. Однако несколькими годами позже условия содержания улучшились, и Фотий в ответ на просьбу своего близкого друга и соратника Амфилохия, епископа Кизического, смог составить сборник трактатов, который и получил название по имени адресата. Ядро «Амфилохий», вероятно, писавшееся в 873–875 гг., до возвращения смещённого патриарха в Константинополь, содержало вопросы 1–75. Всё остальное (вопросы 76–329) собиралось из архивов, вероятно, его помощниками уже после того, как свт. Фотий вновь занял освободившуюся после смерти свт. Игнатия кафедру. Можно предположить, что процесс формирования собрания растянулся на многие годы, причём под весьма разной степенью авторского контроля. Так, скорее всего, на последнем этапе туда попали фрагменты, которые по стилю и уровню изложения никак не могли выйти из-под пера Фотия (например, вопросы 149 или 316).

Амфилохий Кизический принадлежал к узкому кругу учеников патриарха, сформировавшемся задолго до того, как его вынудили принять сан в 858 г.² Внутри этого дружеского сообщества, вероятно, велись дискуссии для посвящённых, на которые в «Амфилохиях» время от времени встречаются ссылки. Свт. Фотий не просто преподавал философию и риторику, но и составил, например, учебник по топике (раздел логики). Первый трактат собрания некоторым образом задаёт тон всему последующему изложению. Во-первых, он посвящён экзегетике, то есть толкованию Священного Писания. Во-вторых, он призван устранить кажущиеся противоречия между различными библейскими речениями. В-третьих, одним из главных инструментов патриарха является

1 *Photius Constantinopolitanus*. Epistula 98, 42–43 // *Photii Epistulae et Amphilochia* / ed. B. Laourdas, L. G. Westerink. Lipsiae, 1983. Vol. 1. P. 134.

2 *Idem*. Epistula 290 // *Op. cit.* Vol. 3. P. 124–138.

филологическая акривия, точное различение семантики, словоупотребления, интонации и прочих компонентов речи. Для обозначения этого различения используется слово *διάκρισις*, которое широко применяется, в частности, в монашеской литературе (в церковнославянском и традиционном русском переводе «рассуждение»). Кроме того, свт. Фотий не чурается и «внешней премудрости», привлекая для обоснования своей позиции авторитет античной науки и философии. Всё это можно наблюдать и в корпусе «Амфилохий» в целом. Не следует забывать, что помимо прочих своих ипостасей патриарх был лексикографом, литературным критиком и теоретиком литературы.

До сих пор на русском языке были опубликованы только «Избранные трактаты из Амфилохий»³, включившие лишь незначительную часть собрания. «Благотворительный фонд Святителя Василия Великого» (учредитель К. В. Малофеев) спонсировал перевод большей части оставшегося текста. Конечной же целью должно быть издание полного перевода, очередной ступенью к чему и призвана стать серия публикаций в настоящем журнале.

Перевод выполнен по изданию: *Photii Epistulae et Amphilochia* / ed. B. Laourdas, L. G. Westerink. Lipsiae: B. G. Teubneriana, 1986. Vol. 4. P. 3–30.

При ссылках на рукописи и семейства рукописей используются следующие сокращения:

- А — Vaticanus gr. 1923, XIII в.;
- В — Athoniensis Iberorum 684 [4804 Lambros], XVI в.;
- Г — Athoniensis Laurae Δ 73 [449], X в.;
- Δ — Parisinus Coislinianus gr. 270, XI в.;
- Т — Parisinus 1229, XVII в.;
- φ — Recensio Neapolitana (Vindob. gr. 12 = Vindob. suppl. gr. 66, XIV в.;
- Constantinopolitanus Metochii 252, AD 1566, et al.);
- ас — ante correctionem;
- пс — post correctionem.

Переводчик приносит глубокую благодарность о. Александру Полховскому (МинДА), взявшему на себя труд сверить перевод с оригиналом и выявившему некоторые пропуски.

3 *Фотий, патр.* Избранные трактаты из Амфилохий / введение, перевод с греческого, комментарий Д. Е. Афиногенова. М.: Индрик, 2002.

1. К Амфилохию, митрополиту Кизическому, [сочинение], где разрешаются вопросы Божественного Писания, прежде которых разъясняется то владычнее предписание, которое говорит: *Не имейте пояса, ни обуви, ни сумы, но теперь, кто имеет мешок, тот возьми также и суму*^а и так далее.

Многие из недоумений нуждаются в предварительных пояснениях и ускользают от разрешения, если оно предлагается без подготовки: так и вопрос твоей проницательности, согласно мнению и воззрению некоторых, требует какого-то такого распорядка¹. Посему нужно сначала сказать и прежде взять в последовательность уяснения вот что: то, что представляет видимое противоречие, не обязательно оказывается противоречащим на самом деле. Ведь часто многие вещи кажутся противоположными друг другу, но не суть таковы. Ибо противоречие, как в словах, так и в делах не возникает просто так или как попало, но его составляет и образует стечение многих обстоятельств. Это нетрудно увидеть: не только у тех, кто избрал для себя древнюю философию или риторические занятия, многие расхождения, считавшиеся безграничными, позже при доскональном рассмотрении были освобождены от обвинения в разногласии^{II}, но и в самом разговорном употреблении обычных людей многое просто так на слух кажется противоречивым, но если разобраться, то противоречие переходит в согласие^{III}. Стало быть, если кто беспристрастным суждением отличает видимое в повседневной речи разногласие от истинного противоречия и у тех, кто упражняется в философии и риторике, отделяет [настоящие] противоречия от кажущихся, а применительно к нашему священному любомудрию не соблюдает того же правила, но поверхностное расхождение раздувает в непримиримую словесную битву, тот и без какого-либо обвинителя объявляет себя клеветником и плохим судьей.

И вот сразу у них (начну с расхожего обыкновения) убийство есть и охрана государства, и мерзкое^{IV} деяние, да и торговля — и украшение города, и не менее того его поругание. И как же это не противоположности? Потому что нельзя убивать ни благодетеля, ни гражданина, благорасположенного к государству, ни если кто невиновен, а врагу, предателю и вообще злодею справедливо умереть. И если кто будет

I στήσιν «раздора» φ II διάφορος «различным образом» все ркпп., кроме A^{pc} III ἀφωρίαν «безгласие» T IV μίσους «ненавистное» Γ^{ac}, A^{pc}

пойман с поличным при разрушении чужого брака, то потерпевший имеет право и сам покарать его, а если уличит вне скверного дела, то ищет другого судью этому преступлению. Опять-таки, кто занимает скромное общественное положение, торговыми предприятиями обогащает город, а если до этого дела опускаются поставленные^V полководцами или вождями народа и тому подобное, то они оскорбляют достоинство государства. И нет конца примерам у желающего закончить [с этим]. Видишь, как многое представляет видимость противостояния, а когда исследуешь, приходит в согласие? Вот так нужно рассматривать и применительно к нашему Священному Писанию, о чём в речении и твой вопрос, в соответствии с которым, что очевидно, построено и всё предисловие к рассуждению.

Моисей законодатель, а скорее, через него общий Создатель и Законодатель сказал: *не убий*^a, и вновь: *возложите каждый свой меч на бедро своё, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего*^b. Так как же эти высказывания не предписывают взаимного упразднения? Но ясно, что *не убий* невинного, а повинного смерти и того, кто оскорбил отеческие законы и почитание Создателя перенёс на идолов, накажи убиением. Думаю, я оставлю в стороне *«не прелюбодействуй»*^c и *«возьми себе жену блудницу и детей блуда»*^d, потому что там есть и нечто глубже искомого [сейчас], помимо того, что и здесь обстоятельства делают видимое противоречие не противоречивым. Нельзя оскорблять пророка Божия ни рукой, ни языком, и никаким другим образом, и свидетельство тому — дети, забавлявшиеся и глумившиеся над пророком, которые заплатили за насмешки телесной гибелью^e. Но ты обнаружишь и такого, что понёс самое тяжкое наказание за то, что не ударил пророка по лицу^f: и усиливает недоумение то, что дерзнувших на оскорбления растерзал зверь, а постеснявшегося подражать им задрал другой зверь. Так что же, разве это не противоположно одно другому? Никким образом, совсем нет: никак нельзя так поступать, руководствуясь собственным решением и стремлением, а когда приказывает Бог и суждение приходит свыше, то не только нет места для «нельзя», но и пренебрегающего постигает горькая кара.

V τεχθέντες «рождённые» Δ

a Исх. 20, 15 b Исх. 32, 27 c Исх. 20, 13 d Ос. 1, 2 e См. 4 Цар. 2, 23–24
(в оригинале игра слов: ἀντί σκουμάτων σωμαίων) f 3 Цар (LXX). 21, 35–36

Поэтому оба примера из священных книг опровергают кажущееся противопоставление, один по обстоятельству виновности и невиновности, а другой — божественного повеления и человеческого устремления.

Много и другого, в ином являющего противоречие, при правильном различении обстоятельств переходит к согласию: одно происходит иногда применительно к месту, другое — ко времени, а иной раз — и к лицу. У времени есть много различий, но гораздо больше у лиц: начальствующего и подначального, вводящего и вводимого, совершающего и совершаемого, ученика и учителя, к которым можно присоединить и виновного и невиновного. И опять-таки, общее разделение лица есть его изменение и смена. Ведь один вид образуется, если нрав меняется, а лицо остаётся, и вновь другой, когда одно лицо сменяется другим. Например, Бог сделал Саула царём и опять отнял у него царство^a; *ещё три дня и Ниневия будет разрушена*, а город остаётся на бессрочное время невредимым^b. И множество других вещей, разделяющих лицо по перемене нравов, призывает к примирению распри помыслов. А то, что Аарон не понёс наказания за изготовление тельца, в то время как меч карал причастных той же вине, можно отнести и к другим причинам, и от них свести противоречие в последовательность, но и различие лиц имеет немало значения для преодоления противостояния, особенно если и прочее относится к нему же и от него получает возникновение. Но велико и во многих местах проявляется разнообразие Божественного Писания в обстоятельствах лица, и многое, не содержащее противоречий, по незнанию или злонамеренности^{VI} рассмотрения предлагается как не допускающее даже намёка на согласие.

Итак, из таких невежественных или злонамеренных посылок представляют как противоположные и противоречащие друг другу и [речения]: *«Не имейте пояса, ни обуви, ни сумы»^c*, и: *«но теперь, кто имеет мешок, тот возьми также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч»^d*. Я же не говорю пока о другом, но вот о чём: как последовательное положение этих высказываний одного за другим не убеждает избегать подозрения в противоречии и не отсылает скорее приступить к изучению и исследованию глубины этого повеления? Ибо как возможно, чтобы Один и Тот же вместе и в одно мгновение

VI или злонамеренности: злонамеренность Т

а См. 1 Цар. 15, 10–35

б Иона 3, 4–10

с Ср. Лк. 22, 35

д Лк. 22, 36

указывая противоположное, предписывал избирать то, чего Он же повелел избегать, если не было ни случайной забывчивости, ни колебания воли, ни, конечно, преобладающего насилия, но и ни ослышки, внушающей различие? Но с благими намерениями, пожалуй, можно было бы уловить предмет рассмотрения вот откуда: то, что Он в речи прямо меняет время, будет доводом против легкомысленных. Ведь сказано: *когда Я послал вас, а теперь говорю вам*. А в том, чтобы приспособлять к одному и другому времени разные заповеди не только нет ничего нелепого, но бывает, что и более целесообразно, чем если кто предписывает одно и то же, хотя различие времён по необходимости требует разного.

Но, когда сказанное таким образом разобрано, некоторые, решая предложенную задачу, говорят, что общий Владыка прежде воспитывал учеников как детей и, вводя на поприще нестяжательства, не позволял им тащить с собой ничего вещественного и способного тянуть к земле, и того, чем удерживается эта текучая и стремящаяся к тлению жизнь: ведь часто, и особенно у менее совершенных, забота о необходимом и излишнем, и превышающем потребность имеет обыкновение понемногу утягивать за собой усердие и наносить большой вред душе. Вот поэтому, по их словам, Спаситель тогда запретил недавно наставляемым^{VII} носить с собой что-либо из земных и телесных вещей; а позже, когда они безупречно завершили борьбу и прошли какое следовало испытание в презрении к плоти, и когда уже предстояло спасительное страдание, после которого многим тучам искушений было попущено обступать борцов, и их ожидала невыносимая буря гонений и скорбей, Он ради этого позволяет им владеть скромными пожитками, удерживающими жизнь от распада. Ибо когда страсть любостыжательства была до основания исторгнута из апостольских нравов и поведения, а гонение дышало нестерпимой силой, нужно было, чтобы жизнь, со всех сторон бывшая под угрозой, несла собой в дорогу некое утешение. И одна из заповедей ни в чём и нисколько не вредит другой, как если бы кто после побед и трофеев на время увёл воина от ратных подвигов и дал ему заняться тем, что дарует мир; или если бы кто посещающего школу упражнял одними занятиями, а находящегося в юношеском возрасте наставлял в более глубоких законах и более высоких умозрениях: и паства управляется одними обычаями и установлениями, а пастыря руководствует не та же самая жизненная стезя.

VII ἀντιπαραταγουμένων «противоположно наставляемым» Т

Но так вот некоторые сводят к согласию смыслы, заключённые в речениях. Другие же иное из предлагаемого одобряют не меньше, но говорят, что когда ученики находились вначале в разряде посвящаемых и совершенствующихся, нельзя было позволять помыслам разделяться на что-либо иное, но следовало всецело обратить ум к обучению и усвоению спасительных знаний, тем более, пока присутствовал Учитель, Который от Себя предоставляет не только разрешение того, чего не может разрешить природа, но и руки, подносящие многим множествам невозделанную пищу. Когда же они преодолели воспитание несовершеннолетних и оказались ближе к совершенству, а Он уже приближался к тому, чтобы добровольной и спасительной смертью лишить их Своего телесного присутствия и к тому же поручить им проповедь и возвести их в достоинство пастырей и учителей, вот тогда-то Он и указывает им беспрепятственно носить с собой необходимые для жизни припасы. Это, оттуда в самом начале зародившись, принесло плод в виде заботы об обучаемых, что применительно к ним можно видеть осуществившимся на деле: ведь те *приносили и полагали к ногам апостолов цену домов и земель, и каждому давалось, в чём кто имел нужду*^а.

Но и это они советуют рассмотреть хорошенько. Сам Создатель и Содержатель всего, когда уводил учеников от всякого вещественного пристрастия и стяжания, имел ларец и принимал бросающих в него^б, так что этой заповедью Он препятствует им не просто иметь что-то, но [побуждает] не зависеть от этого и не привязываться к нему. Потому что и Сам Он имел, не имея, ибо то было ради нуждающихся и в качестве утешения для неимущих и некоего предотвращения и утоления нужды. Посему как не противоречит одно другому, что у Него был ларец, а им запрещалось носить с собой что бы то ни было, так нет противоречия и в том, что раньше они поднимались к тяжкому и труднопроходимому нестяжательству, а потом через соразмерное приобретение необходимого освобождались от многих трудов и имели утешение в крайнем стеснении.

Но и вдобавок к этому, а скорее прежде сказанного, когда увидишь, как говорят, что наградой за нестяжательство стало богатство, то сопоставив, яснее поймёшь, что заповедь не иметь и та, что позволяет иметь, не опровергают друг друга и не противоречат, если одну связать со страстностью, а владение у тебя будет свободно от страсти: ибо

а Деян. 4, 34–35

б Ср. Мк. 12, 41–44; Лк. 21, 1–4

как бы несребролюбивая воля и непревзойдённое^{VIII} нестяжание произросло во многократно большее и дивное и плодоносило изобилие имения, если бы праведное владение и смысл нестяжательства противоборствовали друг другу? И каков свидетель, каково представление дела? Сам общий Спаситель и Владыка нашего рода, Который обещал тем, кто оставит всё своё ради Него, что они получают сторицею, и даже этим не ограничил воздаяние, но ещё и возвышает и поднимает его до большего и такого, что больше и сказать нельзя: ибо Он прибавляет им в достояние Царство Небесное^a.

Так говорят те, кто после первых доказывает, что священные речения согласны друг с другом. И ясно, что обе стороны находят возможность разрешить недоумение через обстоятельство, связанное с лицом. А другие мнения, помимо изложенных нами, подобно им, отталкиваются от тех же вещей, но не приходят ни к тем же выводам, что и предыдущие, ни к одинаковым между собой. У них тоже вопрос разрешается от различия лиц, но они говорят, что первая заповедь, которая внесла закон нестяжательства, поистине была сказана ученикам и применяется только к ним и к тем, у кого любомудрие всю жизнь пребывает напряжённым и столь же неослабным, а вторая не нарушает ничего из данного подвижникам закона нестяжательства, но лишь подставляет лицо учеников, а отношение имеет к другим людям. Однако у обоих мнений общее простирается лишь до сих пор, а затем одно расходится с другим. И мнение, предполагающее лицо гражданское и мирское⁴, не терпит ничего [такого], поскольку оно неудобно и трудноуправляемо к высшему любомудрию, но утверждает, что таковым предоставляется умеренное имение, и оставляет их свободными от законодательства, предписывающего подвиг ученикам.

То же [мнение], которое вместо учеников вводит иудеев^b, определяет, что слова второй [заповеди] суть пророчество против всего народа, каковое и сбылось на деле, когда Веспасиан и Тит осадили Иерусалим. Они, взяв его по закону войны, сделали иудейское племя жертвой меча. Вот тогда-то те, у кого во владении были дорожные припасы и что ещё

VIII ἀνυλόβλητον зд. «безупречное» φ

a Ср.: Мф. 19, 28–29; Мк. 10, 29–30 b Cf. Cyrillus Alexandrinus. Commentarii in Lucam 5, 34 // PG. 72. Col. 917A:11–917B:9

4 Буквально «смешанное» (τοῦ μιγάδος). В византийском греческом существовала оппозиция μοναχοί / μιγάδες, то есть монахи / миряне, где μιγάδες – букв. состоящие в браке.

легко нести, взяв это с собой, бежали из собственной столицы в города за пределами Иудеи — а вообще отягощённые богатством или каким-то иным образом удерживаемые, от тех требовали оставаться в городе и принуждали покупать мечи, сабли и прочее воинское вооружение, потому что война заставляла действовать и против желания: и именно это предвозвестили владычные уста: *но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч*^a. Это и издревле предсказывали вещания, когда Бог предвозглашал: *Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копья*^b. Вот так, говорят, нисколько не противоречит *«не иметь пояса, ни сандалий, ни сумы»*^c словам *«кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч»*^d.

Но тем, кто таким образом разрешает затруднение, возможно, противостанут сами слова Владыки: *когда Я посылал вас*^e, говорит Он, *ныне же* говорю вам^f, не другим, но вам же самим, кого Я и послал проповедовать: так что теперь для принятия перемены лиц не остаётся никакого места. Более того, какую причинную связь и какую последовательность сохранит *«кто имеет мешок, возьми и суму»* по отношению к заповеди нестяжательства? Как ничего не имеющий имел бы мешок? А какое пророчество гибели иудеев подразумевает то, что вдобавок к мешку берётся и сума? Но такое исследование непредвзятым судом помыслов может стать препятствием для некоторых умов и в отношении ранее изложенных объяснений и не позволить, чтобы разрешение получилось несомненным. Ибо то, что прежде Он воспретил ученикам владеть собственностью, а потом дозволил^{ix}, как можно привлечь к согласию с этими заповедями слова: *«но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму»*; и: *«а у кого нет, продай одежду свою и купи меч»*^g? Ведь если это допустить, то никоим образом не усматривается и сохранения прежней заповеди у получивших её (ведь иначе неоткуда взяться мешку), и вторая вводит не позволение владеть, а скорее обличение того, что первая не соблюдалась. Но тех священных мужей следует превозносить и восхищаться ими за первый подход и благочестивую мысль, и потому что последующие обрели оттуда начало изобилия, восприняв семена и начатки более точных

IX ἐπιστρέψαι «вернул» T

a Лк. 22, 36 b Иоиль 3, 10 c Ср.: Лк. 9, 3; 10, 4 d Лк. 22, 36 e Лк. 22, 35
f Лк. 22, 36 g Лк. 22, 36

разрешений. И делает их скорее нашими отцами, а нас показывает обязанными им за достижения то, что благодаря прилежным их стараниям и крайнему трудолюбию можно видеть, как бóльшая часть священных Писаний получила разработку и не оставила кому-либо какого-либо повода к неведению и сомнению.

Кто-то, может быть, скажет, руководствуясь Духом, так чтобы избежать и названных уязвимостей, что когда говорят о многом в божественном Писании, что представляется противоречивым, то это правильно и справедливо приписывается неведению или злomu умыслу приступающих к речениям (ибо одни подтверждают затруднение, не видя обстоятельств, через которые противоречие снимается, а другие делают это злонамеренно), однако же здесь обстоятельства лица не много помогают данному умозрению, но скорее доскональное изучение самих священных Писаний само по себе рассеивает неведение, замутняющее чистоту мысли. И рассмотри вместе со мной размышления и последи за доказательством. Во-первых, Владыка не велит ученикам брать мешок, но предоставляет имеющим также и суму нести его заодно: как же это несовместимо и противоречит друг другу, сделать и показать учеников хранителями закона нестяжания, а пренебрегшим позволить нарушать предписание и относительно подобных вещей? Ведь строгое правило бесполезно слабости воли, и Давший в прошлом обличение небрежности Сам умеряет промысел законодателя о будущем. Итак, имеющим мешок дозволяется, как мы сказали, и сума, или, если угодно, предвозвещается образ будущего поведения для тех, кто не соблюл предыдущее: но в этом никоим образом не усмотреть противоречия той заповеди, благодаря которой достигшие совершенства добились нестяжания.

Видишь, как из самого высказывания отчётливо вытекает разрешение, не представляя ничего затруднительного или хитроумного? *Но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму*^а. Здесь усматриваются два чина, что можно обнаружить и в отношении всякой другой заповеди: одни исполняют, а другие нарушают предписание. Исполнившим вверяются и труды над более высоким, а на поленившихся не возлагается никакой другой тяготы, но и предыдущая прощается, чтобы они не погубили всё из-за отчаяния. Он предоставил ученикам ничего не иметь, — у них не было недостатка ни в чём из необходимого, ни в большом, ни в малом: они не нашли никакого повода, ни причины для нарушения. И свидетели они сами, что хранящих закон

а Лк. 22, 36

Он не заставил ни в чём нуждаться. Ибо Он спросил: *имели ли вы в чём недостаток? Они отвечали: ни в чём*^а. Итак, поскольку заповедь была дана равночестно, и равночестно всё нужное было в изобилии, но одни, хотя не следовало его носить, имели мешок, а другие держались заповеди, Он, одновременно обличая пренебрегших предписанием и позволяя следовать своим желаниям и не сковывая их насилием, а если угодно, и предвещающая их будущий образ жизни, говорит: *кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму*^б. Ибо преступивший своими предыдущими делами и пренебрежением заповедью заранее объявил, какое расположение он в будущем будет иметь в отношении подобных вещей. Тем же, кто чисто воспринял предписание, одобряя твёрдость их воли, Он дарует и главное достижение в качестве предмета борьбы и возводит к вершине любомудрия тем, чему их научает.

Поэтому Он говорит, разделяя речь между теми и другими: «Теперь же, когда как раз пришло Моё страдание и война против вас разгорается сильно, и помышления многих будут обличены, тем, кто не сохранил слова заповеди, не столь трудного, последовательно будет вместе с мешком приобрести и суму: а кто постарался быть выше пренебрежения заповедью, те положат и собственный конец предыдущим борениям». И тех^х, кто низвергся с вершины любомудрия, а потому и нестяжательства, примет забота и попечение о многом, у которых вместе с мешком не будет недостатка и в суме, и в том, чего требует удобство жизни, досаждая им. А сохранившим борьбу усердием и трудами Он говорит: «Поскольку вы совершили это правильно и со тщанием и заложили подвиг нестяжания словно нерушимое основание будущих борений, но остаётся, чтобы вы были ещё более подготовленными и снаряжёнными ныне, чем раньше к смерти за Меня (ведь и Я уже претерпеваю её за мир), вы же, хорошо поступая, уже прежде отложили всё житейское и не тащите с собой ничего, что могло бы отвлечь от радостного пришествия к самому главному, закланию за Меня, обязательно последует вам и то, что вы охотно совлечёте и последнее облачение и обменяете жизнь на смерть за Меня».

Ибо именно это, пожалуй, точнее всего сказанного обозначает неимение мешка и продажа одежды и меч: как если бы что совершивший путь нестяжания не пожалеет даже последней оболочки, но отдаст

Х τὸς λόγους «те слова» В

а Лк. 22, 35 б Лк. 22, 36

и её, с воодушевлением устремляясь на меч. Поэтому сказано не «пусть продаст» и не «пусть купит», но «продаст» и «купит»⁵: одновременно и делая сказанное не законом и повелением, и предсказывая будущее. Он как бы говорит: «Я не приказываю, чтобы так было, но, зная, что будет, предрекаю, что сохранение заповеди предназначает вам и это высшее и великое свершение: ибо оно убедит вас и охотно избрать смерть за Меня, то, что вы свободны от всякой житейской заботы, что не обращаетесь ни к чему телесному, что всё сводите к угождению Мне». А что изрекающий изначально то, что вызывает затруднения, Слово ни на что другое не намекает «мечами», но делает их символами страдания как собственного, так и учеников, ясно показывается следующим: когда ученики ответили, что есть два меча, Он ничего другого у них не потребовал, например, продать одежду, или мешок, кто имел, даже если добавить и суму, и не указал им на другой смысл, но сказал: *довольно*^а, вместо: «Значение ограничивается символами, и этого достаточно, чтобы представить цель». Ведь два меча показывают всё, что нужно, и возвещают обозначаемое символом: ибо из них один есть притча Владычного страдания, а другой — подлинных и истинных учеников Слова, которые, променяв всё на преданность Владыке, снимают и самую последнюю оболочку и, обнажённые от всего земного (да что я говорю «земного»? но и от самой природы), радостно бежали на закание за Желанного, когда время призывало подвижников.

Но таково умозрение, теперь показывающее согласие речений, не пользующееся различием лиц, потому что выражения священного Писания этого не позволяли, но раскрывающее символическое значение сказанного из самих сбывшихся дел и последовательного продвижения речи. Конечно, можно не только названными способами уловить воображаемое противоречие, но и другими, гораздо более многочисленными, чем упомянутые, разбор и обобщение которых составляет отдельный предмет, а в теперешний не входит. Впрочем, ничто не мешает изложить и некоторые из них, которые дадут вместе размышляющим подход и к неким иным из твоих недоумений.

Ибо много вещей непротиворечивых, если одну говорит домостроительство (οἰκονομία), а другую — природный порядок, а ты не различишь, создают ложное впечатление противостояния. Домостроительством же

а Лк. 22, 38

5 В греческом оригинале Нового Завета употреблено будущее время изъявительного наклонения в значении повелительного. Такой семитизм свойствен также Септуагинте.

в собственном смысле называется страшное и превьше мысли вочеловечение Слова; а иным образом послабление или приостановка на какое-то время более строгих законов или введение более мягких, когда законодатель приспособливает предписание⁶ к немощи приемлющих его. Из первого же домостроительства вытекают различные способы [понимания], при том, что и второе не нераздельно. Вот Спаситель тосковал и просил отвести смерть^а, но также и имел *власть отдать душу и вновь принять её*^б: и посмотри, если кто-нибудь не отнесёт одно к домостроительству, а другое — к Божеской власти, то запутается в противоположностях.

А теперь имя «икономии» происходит, как сказано, от того, которое обозначает вочеловечение, которое собственно и первоначально называлось бы домостроительством по достоинству и причинности того, что от него производно, но не совсем с ним совпадает: ибо пока что и оно разделяется надвое, и одно применяется к более, а другое — к менее возвышенному значению. Ведь если кто-то тоску и отказ от смерти захочет принимать в той мере, в какой Он стал человеком, то будет иметь здесь домостроительство более свойственным предложенному слову; а если тоску и просьбу отвести смерть поймёт не как следствие самого этого, что Он стал человеком (ведь и у многих мучеников и подвижников было добровольное стремление и радость о смерти), но что здесь тоска и просьба об отведении смерти были устроены ради подтверждения вочеловечения и облечения, нацеленного против тех, кто страшное и необычайное вочеловечение полагал воображаемым, то обретёт речение «домостроительства», применяемое к низшему, помощью для устранения противоречия. Впрочем, воображаемое противоречие ничуть не менее изгоняется в обоих случаях.

Есть и помимо этого различные значения слова «домостроительство», имеющие, тем не менее, одинаковое происхождение. Однако же и тогда множество прочего, относимого к недоумениям, разрешение, проистекающее от рассмотрения и разбора имени, собственно означающего «домостроительство», ведёт оттуда к ясности. А таким способом ничуть не хуже, чем другим, найдёт разъяснение и вот это: Что *ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину?*^с и: *Я и Отец — одно*^д. Ведь эти высказывания кажутся неразумным или легкомысленным людям

а См. Лк. 22, 42–44 б Ин. 10, 18 с Ин. 8, 40 д Ин. 10, 30

6 когда законодатель приспособливает предписание: приспособливающих предписание законодателя Г

как-то не сочетаемыми друг с другом. Но премудрое слово истины, относя одно из них к бессмертной и блаженной природе Божества, а другое — к тому, что Слово восприняло нашу сущность, изгоняет всякое сомнение. Не совершит ошибки и тот, кто таким же рассмотрением объяснит и речение: «*Отец Мой более Меня*»^а. Ибо это священное чтение и само по себе нуждается в разумных слушателях, а больше, пожалуй, нуждается и в упомянутом речении, которое объявляло равенство с Отцом, чтобы оно совместно с ним исследовалось и сопоставлялось. Ведь если и другими святоотеческими подходами кажущееся противоречие между этими высказываниями порождает согласие (например, что «*более*» относится к причине, а «*одно*» возвещает равенство природы), но и смысл домостроительства, принимая на себя «*более*», через «*одно*» поддерживает равенство Отца и Сына свободным от наветов. Но ничто не мешает речам, терпящим навязываемый им раздор, избавляться от него различными способами: потому что и теперешнее речение *Отец Мой более Меня*^б бывало очищено нами от недоумения и с помощью других приёмов, влияющих на мнение слушателей, обретя, я думаю, неплохое разрешение.

Помимо же сказанного, речи, которым навязывается недоумение, обличают нападающих на них как клеветников также исходя из необходимости или позволения. Отсюда и общий Владыка и Создатель и Спаситель [нашего] рода освобождает от унижения законов Давида, съевшего хлеба предложения^с. Ибо как положивший и ведающий природу и силу закона, и чью жизнь закон был установлен направлять, Он счёл справедливым, чтобы ругатели, и те, у кого высокомерие приводит к преступлению, в других случаях многократно несли наказание; а тем, кто уважал и почитал законы, но необходимость приводила к нарушению уважаемого и почитаемого по немощи, давая прощение в их слабости и судя их милосердно, как и Давида, Человеколюбец отпускает преступление закона, не обвиняя принуждённых в дерзком презрении к законам, поскольку естественная сила не соответствовала намерению, и принимая это в извинение им, выносит оправдательный приговор. И много других недоумений таким же подходом приводится к разъяснению.

И зачем нужно перечислять иные обстоятельства? Образ прочтения сам по себе, слаживая звуки слов согласно со смыслами, преграждает доступ всякому недоумению: а когда слово недостаточно выражает⁷

а Ин. 14, 28 б Ин. 14, 28 с Ср.: Мф. 12, 3–4; Мк. 2, 25–26; Лк. 6, 3–4

7 Перевод исходит из чтения ркп. Γ ἐπελαττομένης. Ἐπαλαττομένης «изменяет» изд.

смысл, ясность погружается в невнятность. Спаситель говорит ученикам: *Я вас избрал*^a и: *не Я ли вас избрал?*^b Посему если кто-нибудь обоим представленным предложениям придаст одинаковую интонацию или, наоборот, первое произнесёт вопросительно, а второе — утвердительно (что свойственно первому), он сделает ясные вещи невразумительными, и стоящие выше всякого упрёка — предосудительными. Ибо Избравший, зная, что избрал, и напоминая ученикам об избрании, чтобы давний долг преданности Ему не подпал потоку забвения, и они были более послушны Его повелениям, ясное дело, говорит: *не Я ли вас избрал?*^c, не отрицая и не отрекаясь от того, что сделал, но скорее утверждая через вопрошание. Ибо у Слова в обычае во многих случаях обращать в вопросы те из благоденствий, которым присуща явственнейшая очевидность, так что никому из получивших невозможно отрицать дарование.

Тому же правилу подлежат и речения: «*если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Моё истинно*»^d; и: «*Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Моё не есть ли истинно?*»^e Пусть даже кажущееся здесь противоречие находит разрешение и иным способом рассмотрения, никто не укорит, взирая на справедливость, если кто-нибудь скажет, что «*Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Моё не есть ли истинно?*» говорится не утвердительно, но через вопрошание, разоблачающее и раскрывающее, как углубляется и развивается отступническое^{x1} и злодейское умонастроение иудеев. Однако если кто при чтении будет произносить отрицания тем же образом, что и утверждения, то поистине наполнит себя противоречиями и смутой, хотя бы дивное богоглаголение и виделось превыше всякого злоумышления и противления.

К такому же рассмотрению относится и владычное свидетельство: *из рождённых женами не восставал больший Иоанна Крестителя*; и затем: *но меньший в Царстве Небесном больше его*^f. Ведь если читать «*меньший в Царстве Небесном больше ли его?*» вопросительно, то нет никакого отрицания предыдущего свидетельства и никакого места для умаления, но и объяснение предложенных слов не будет нуждаться в дальнейшем умствования. Но это было отдельно разработано в другом месте^g.

XI ἀπιστίας «неверное» Т^{ac}, В

а Ин. 15, 16 б Ср. Ин. 6, 70 с Ср. Ин. 6, 70 d Ин. 8, 14 е Ин. 5, 31 f Мф. 11, 11
g Cf. Photius. Amphilochia 222 = Epistula 135

Такого рода и высказывание: «*вы всё ещё спите и поживаете?*»^а. Ведь это слово не утверждающего, но делающего выговор за небрежение в виде вопроса, за чем следует подходящее и соответствующее: *встаньте, пойдём отсюда*^б. Ибо никаким другим способом эта последовательность слов не добьётся легче оправдания от обвинений в противоречии, если «*вы всё ещё спите и поживаете?*» не представит в чтении вопросительного упрёка. И множество иных [примеров].

Мог бы злопыхательствовать кто-нибудь из привыкших на это осмеливаться, сплетая злоумышление через смешение причины и на речение: *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую*^с, выставляя слово противоречащий ответ Владыки ударившему Его: *что ты бьёшь Меня?*^д. Но совершенно очевидно, что иная причина требует скорейшего изобличения. Ибо Бог мира^е повелевает терпящему ущерб в деньгах или другом имени или по отношению к самому телу не противиться, но оставлять отмщение Судии всяческих: если же кто-то протянет неправедные руки, не чтобы нанести вред в чем-то из вышеназванного, но через поругание лица оскорбить возвещаемое, то есть благочестие, тогда нам предписывается не сносить поругание легкомысленно и под предлогом долготерпения не добавлять дерзости нечестию и молчанием не содействовать врагу в надругательстве над святыней. Эту заповедь премудро исполнил и божественный Павел как подлинный ученик Слова, то лишением зрения останавливая дерзкий поступок волхва Елимы, злоумышлявшего против проповеди, и наказывая его^ф, то грозя тысяченачальнику страхом перед римлянами, чтобы, хотя можно было легко спастись, не быть уличённым в предательстве спасения и уступке врагу благочестия^г; то длинными обличениями заграждая уста возводящих клевету на веру^h.

И божественный сонм добропобедных мучеников по той же причине откровенно отвечал тиранам, безбоязненным языком и неустрашимыми очами сплетая слово за благочестие и обличая хулы нечестия. Ибо когда тиран, злонамеренно скрывая внутри речь о мученичестве, испытывает страстотерпца другими напастями, словно предварительными схватками, лучше молчать и кротко переносить досаждение: но когда, оставив притворство, он начинает неприкрыто издеваться над благочестием, вот тогда-то доблестно и любезно Богу, и подражание владычному деланию будет воспротивиться словами и не предавать

а Мф. 26, 45; Мк. 14, 41 б Мф. 26, 46; Мк. 14, 42 с Мф. 5, 39 д Ин. 18, 23 е Ср.: Рим. 15, 33; Фил. 4, 9; 1 Фес. 5, 23; Евр. 13, 20 ф См. Деян. 13, 6–11 г Ср. Деян. 13, 6–11
h Ср.: Деян. 22, 1–21; 24, 10–21; 26, 1–23

молчанием на издевательство предмет служения, но являть его выше всякого упрёка и навета, с одной стороны, истинными речами, а с другой — душевной стойкостью. Покушаются на деньги? На земли? Или оскорбляющую руку поднимают на тело? Подобаает сносить терпеливо, великодушием укрощать воспаление гнева и пренебрежением к сребролюбию умерять ненасытность ущерба. Но когда враг благочестия гонит его проповедников и делателей добродетели как преступников и нечестивцев и предаёт их бедствиям? Не будем молчаливо выносить поругание, но умонастроением и языком открыто объявим, что мы сами, будучи благочестивы, терпим несправедливость, и несправедливость терпит святыня проповеди: ведь там молчание есть пример дивной добродетели, а здесь молчание поощряет нечестие ещё больше наглеть против слова.

Под такой же вид различения подойдут и Ананий и Сапфира, понесшие кару от первоверховного^а, и заповедь, измеряющая прощение согрешающим как *до седмижды семидесяти раз*^б. Ведь через заповедь и сам Пётр, и мы научаемся многократно прощать грехи против себя самих, а оскорбление против Божества и у нас нет заповеди оставлять без внимания, и он не пренебрёг им, когда наложил последнюю кару на нечестивых и присвоивших приношения, солгавших же Духу Святому. Да, и сотоварищ первоверховного и не меньшими достоинствами имеющий преимущество^{хII} перед другими учениками — я снова говорю об апостоле Павле, учителе вселенной, — но и этот божественный муж, когда говорит: *Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте*^с, и опять-таки: *Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его!*^д, таким же подходом может быть освобождён от кажущегося противоречия: ибо проклятие с пожеланием, чтобы обидчик был наказан, исходит от оскорбления проповеди и борьбы с ней, в которых Александр и был повинен, а воздавать ругателям благословениями предписано тогда, когда они воздвигают гонение на нас самих.

Мне небезызвестно, что некоторые говорят, будто слова о меднике у боговещанного Павла сказаны не в качестве проклятия, а скорее суть предсказание тех ужасов, которые в будущем постигнут того в последние

XII прооіцнов букв. «предисловие» Т

а См. Деян. 5, 1–11

б Мф. 18, 21–22

с Рим. 12, 14

д 2 Тим. 4, 14

времена, злочестивого и дышащего враждой к благочестию, и проповедник предвозвещает и описывает это речью, одновременно отводя отступника от такого бешенства, и приводя утешение для соратников, что вредитель непременно понесёт наказание и не утаится с тем, что сделал, от всевидящего Промысла, и можно видеть, как он тем самым подбодряет спотыкающихся из множества и возвращает к смелости^a. Я же, если бы нигде не видел никакого негодования или укоризны у святых против покушающихся на учение, и сам бы не сделал другого истолкования предлагаемого ныне противоречия, кроме как предсказание: но волхв Елима, полный всяческого коварства, исполненный бесчестности, заклеимённый как сын дьявола и враг всякой правды, даже горестно лишённый и самого зрения^b, и стена подбеленная^c, то ли показывал тот знаки первосвященства избиваемому страстотерпцу, то ли нет, и то, что только что говорилось, и то из упомянутого, что ещё повсюду встречается в священном Писании — вот это всё явственно показывает мне, что прибежище предсказания не общедоступно и не безопасно.

Впрочем, мы сейчас занимаемся не точностью толкования, но лишь примерами вопросов, разрешение которых есть предмет упражнения: ведь я знаю и некое иное разъяснение данного речения, которое, уклоняясь и от проклятия, и от предсказания, не относит к Александру ничего тяжкого или бранного. Оно говорит, что Господь, Который есть источник человеколюбия и спасения, воздаст злодеям, не мстя собственному творению и не наказывая, но отвращая от злых дел и перестраивая к лучшим деяниям. Какое это может быть проклятие, какое предсказание, возвещающее о карах? Но как и первому из подходов, так и этому, как мне кажется, противоречит продолжение: ибо он добавляет: *Берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам*^d. Но это, наверное, препятствует другим, но скорее согласно с теми, кто это место толкует как проклятие.

Нам ни в коей мере не возразит и Стефан, первый из мучеников, защищавшийся от убийц благословениями, а не проклятиями, а до него и общий Владыка, умилостивлявший Отца за распинающих. Но слова Спасителя имеют нечто более глубокое и таинственное, нежели настоящее исследование: а добropобедный мученик как не вступит с нами в разногласие? Потому что видя, как иудеи разгораются яростью против него и опьянены безумием и самих себя всецело погружают в убийство,

a См. *Theodoretus Cyrrensis*. Interpretatio in II Epistulam ad Timotheum // PG. 82. Col. 853D:4–7

b См. Деян. 13, 10–11 c Деян. 23, 3 d 2 Тим. 4, 15

сам уже стоя при дверях мученической смерти, причём смертоубийство преграждало всякое время увещания и не давало места упрёкам, во-первых, потому что всё было на острие бритвы, а во-вторых, потому что никакой пользы настолько одержимым не было ни от упрёков, ни от увещаний, страстотерпец [делает] то, что ещё оставалось: хватается за последнее врачевание для убийц и просит у общего Владыки не вменять им этот грех. И кто это? Тот, кто перед тем обратил к ним долгое наставление и поучение: когда же он увидел, что они ещё менее слушаются увещательных речей и ещё больше раздражаются злочестием, вот тогда-то, и весьма справедливо, обрушился на них с речами обличающими и разящими, показывая и называя их необрезанным сердцем и жестоковейными, убийцами и предателями, несущими праотеческую скверну как потомки убийц пророков. Так что не только не противоборствует нам никоим образом исполненный благодати, мудрости и силы Святого Духа, но и более всего союзник и защитник. Если же подлинный ученик Владыки и первый из мучеников на деле показал нам, что держится того же мнения, то ясно, что и Учителя и Венцедавца (уж не буду говорить теперь о словах: «*Ваш отец диавол*»^а и: «*род лукавый и прелюбодейный*»^б, и множестве прочего, в чём повинен род иудейский) венценосец истинной проповедью и любовью даже до крови ясно и несомненно представил совершившим и научившим тому же, хотя после предворяющих всех иных способов промысла и человеколюбия Спаситель нашего рода молитвой и прощением вступает за причинивших Ему крестную смерть.

Но это, возможно, выходит за пределы нынешнего предмета. Помимо же вышеизложенного кто-то, пожалуй, во многих местах может внести сумятицу в смысл Писания и из-за двусмысленности имён. Вот сразу: нет злых вещей, которые бы не сотворил Господь, и, опять-таки, Он не есть причина никакого зла. Как это можно совместить, если не принять во внимание двойственность слова, что в собственном смысле злом называются грехи, в которых Божество невиновно, а также злом именуется вещи огорчительные и нежеланные, болезнь, бедность, раны, саранча, гусеницы, черви, жуки, град^с и прочее, что, как рассказывают и верят, Промысел насылает на виновных, удерживая грешные порывы и очищая от скверны, не вредя человечеству и не претворяя создание к худшему (да не будет!), но скорее уводя от вредоносных

а Ин. 8, 44 б Мф. 12, 39; 16, 4 с Ср. Иоиль 1, 4; 2, 25

вещей и подходящим болезни лечением возвращая к лучшему недужную волю?

Таково будет и «оставил их служить воинству небесному»^а, и «предал их постыдным страстям»^б, и «дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят»^с. Ведь и здесь двузначность слова, если её не различать, извращает смысл до нелепости (ибо как это Бог ослепляет око, и притом душевное? И как это страстям, злочестию и заблуждению предаёт Сокрушитель их?), а когда значения слов будут различены, речь освобождается от всякого хитросплетения. Ибо «предал» обозначает и «вручил», и «отослал», или «подтолкнул» и «погнал»: но ничуть не меньше, и в особенности в употреблении Писания, и «попустил», «позволил» и «уступил», разрешил нестись по [собственным] устремлениям, оставил добровольное самовластным: и если понимать «предал» в этом значении, вообще не возникает ничего нелепого. Божество по закону промысла и человеколюбия отвращает человечество от страстей и грехов, но когда удерживаемые по преизбытку порочности не приемлют благоденствия и благодати и не хотят повиноваться Отвращающему, вот тогда Он даёт непослушным нестись с потоком и оставляет злоупотреблять своими желаниями, чтобы, ещё больше удерживая и обуздывая порыв, Он не показался уничтожающим свободную волю, а благоденствие и промысел не были извращены неразумными и неблагодарными в обвинение.

В этом значении наши священные книги обычно употребляют «дал», «предал» и тому подобное, что, как всем очевидно, не приносит совершенно никакого порицания или упрёка человеколюбию и праведности Божией. Так говорится, что Он вновь ожесточил сердце Фараона, не потому что, застав его уступающим и повинующимся Своим повелениям, превратил в жестокое, непреклонное и непослушное, но потому что, отвращая от непослушания и неподатливого настроения, Тот, Кто никогда не уничтожает свободу воли, так как обнаружил египтянина никоим образом не уступающим и не переходящим к повиновению, но целиком предавшимся противоположному и враждебному желанию, оставил его следовать своему умонастроению, раз он не захотел послушаться лучшего. Но ничего неверного, если кто-то поймёт здесь «ожесточил» как то, что Бог скорее обличил его, бывшее жестоким и суровым, знаменами, и раскрыл непослушание, и явственно заклеил неуомлимость и неисцелимость воли, которые ещё не были хорошо всем известны и знамениты. Ибо преизбыток чудес, побеждающий законы всякого увещания и убеждения, но не одолевший воли Фараона, разве не выставляет его жестокосердие непревзойдённым и неизлечимым?

а Деян. 7, 42

б Рим. 1, 26

с Рим. 11, 8

Вот так «дал Бог», и «предал их постыдным страстям»^a, и «ожесточил сердце Фараона» избегает всякого блуждания и хитростей клеветы.

И зачем мне излагать другие случаи омонимии, если и слово «кто», пройдя мимо законов различения, несёт немалое смущение и беспорядок тем, кто нисколько не причастен этим законам? Ведь оно же означает и то, что под рукой, то есть вопрос, но и выражает то отрицание, которое ему в наибольшей степени противостоит, а именно «никто». В других случаях оно означает неопределённость — но не отказывается и выражать удивление и ошеломление. Но относится оно и к редкости — и, опять-таки, иногда возвещает укор, беспомощность и затруднение; а что и дополнительное определение (προσδιόρισμός), говорится в сочинениях философов. Не оставляет оно в стороне и малоценность и прочее такого рода. И примерами полны священные Писания, которые если кто тщательно не разделит и не уделит подобающее каждому из употреблений этого слова, не стоит и говорить, сколькими заблуждениями наполнит свои мысли. И это явствует из самих представляемых речений. Вот: *Кто сей Царь славы?*^b и: *кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас*^c и тому подобное обозначают вопрос^{xiii} и не вызывают никакого затруднения. Если же кто-нибудь из-за подобия слова по тому же образу высказывания станет навязывать тождественный смысл и [речениям]: *Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперёд, чтобы Он должен был воздать?*^d; и: *Кто из людей жил — и не видел смерти?*^e, то сильно отклонится от истины. Ибо такие вещи, имея значение отрицания, не принимают порядок вопроса: ведь никто не познал ум Господень и не был советником Ему, но также и нет такого человека, чтобы жил и не видел смерти. Опять-таки, ни к тому, ни к другому не подходит, хоть и не отличается в произношении: *Был некий (τις) человек в земле Авсидитийской*^f; и: *некоторый человек шёл из Иерусалима в Иерихон*^g. Ибо слово это в данном случае означает неопределённость, оставив в стороне остальное. Так же и «*есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие*»^h употребляется в качестве дополнительного определения (προσδιόρισμός): ведь достаточно упомянуть лишь один пример,

XIII Чтение ркп Т, остальные дают ἀλόκρισιν «ответ»

a Рим. 1, 26

b Пс. 23, 8, 10

c Ин. 1, 22

d Рим. 11, 34–35

e Пс. 88, 49

f Иов 1, 1

g Лк. 10, 30

h Лк. 9, 27; Мф. 16, 28; Мк. 9, 1

чтобы показать употребление слова, что оно не сходится ни с одним из вышеперечисленных.

Какую же общность с предыдущим, даже если звук слова и остаётся неизменным, имеют [речения]: *кто сказал тебе, что ты наз?*^а; и: *кто поставил тебя начальником и судьёй над нами?*^б; и: *Кто ты, осуждающий чужого раба?*^с; и: *кто убил Авимелеха, сына Иероваалова?*^д; и: *кто этот человек, скрывающий от Меня совет?*^е Ведь они относятся к негодованию и укору, но не представляют ничего подобного вышеназванным. Если же кто-нибудь будет подводить это под закон вопрошания (не говоря уже об остальном), то обвинит Божество в неведении, что, дескать, Тот, Кто предоставил возможность действовать, не порицает таким выражением деяния, но хочет узнать [о них] по незнанию. Да и «*кто я, Господи, Господи, и что такое дом отца моего?*»^ф являет настолько же очевидное отличие, насколько слово остаётся неизменным: ибо это выражает признание собственного ничтожества и стремление благодарить Бога, но никоим образом не ведёт мысль к вопросу (куда там!), к укору или негодованию или чему-либо ещё из вышесказанного.

Однако редкость, если вообще что-либо, выражена в [речениях]: *Кто мудр, кто сохранит сие?*^г; и: *Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?*^h Ведь если и не все, но кто-то же поверил и сподобился узреть хранительную, управляющую и вседержительную силу Божию из Его благодеяния и промысла о них и обо всём мире и просветиться умом отблесками этого сияния. Так разве не изливает удивление и ошеломление говорящий: *Кто это идёт от Едома?*^и; и: *кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?*^j — а обозначить это ни одно из прежденазванных употреблений силы не имеет. К сказанному можно добавить и [речения]: *кто даст голове моей воду?*^к; и: *кто устроит меня по месяцам прежних дней?*^l; и: *Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?*^m Ибо сказанное будет обозначать прибежище пожелания от безвыходности, но не будет сочетаться ни с чем из разобранного ранее, поскольку описывает просьбу об избавлении от обстоятельств, а не вопрос, дополнительное определение, неопределённость или укор, но и не редкость, ни благодарность или ничтожество, ни удивление или ошеломление.

А ты у меня рассмотри и вот что: «*кто обманул бы Ахава?*»^н; и «*кого Мне послать? и кто пойдёт к народу?*»^о производят впечатление, будто

а Быт. 3, 11 б Исх. 2, 14 с Рим. 14, 4 d 2 Цар. 11, 21 е Иов 38, 2 f 2 Цар. 7, 1
g Пс. 106, 43 h Ис. 53, 1 i Ис. 63, 1 j Мк. 4, 41; ср. Мф. 8, 27 k Иер. 9, 1 l Иов 29, 2
m Рим. 7, 24 n 3 Цар. 22, 20 o Ис. 6, 8

их можно отнести к одному из выделенных прежде значений, но на самом деле так не получается, но скорее это выражает смысл призыва или образ кого-то другого. А [речение]: «*Какая у меня сила, что я терплю? или какое у меня время, что терпит моя душа?*»^a разве не потребует иного значения, которым он не оскорблял бы собственного желания? Ведь истощённый бедствиями, пожелав представить краткость, бессилие и недолговременность жизни и силы, в этих словах разворачивает и это, и ум, жалующийся на это и отчаявшийся. Но и «*Кто узнает, как мне найти Его?*»^b, и «*Кто знает, не сжалится ли Он?*»^c, сказанное в затруднении, если будет восприниматься так, ни в чём не затемнит смысл и не ввергнет слушателя ни в какое сомнение: а если не в таком значении, то ничуть не менее, чем собиралось прояснить правильное понимание, наполнит его недоумения. И желающий, перечитывая священное Писание, в изобилии найдёт и не только эти, но и многие другие пропущенные различия данного слова: которые нетрудно ни ему самому набрать, ни открыть^{xiv} другим.

Но не только одно слово, и притом краткое, относящееся ко многим предметам, если его не воспринимать надлежащим образом, замутняет и смущает смысл правильно сказанного, но и изменение^{xv}, прибавление или изъятие буквы, хоть это и несложно исправить, однако обычно производит нечто нелепое. И, оставив в стороне прочее, если кто пишет и понимает глагол ἔκτῆσε с кратким гласным вместо долгого в словах: *Господь имел меня началом пути Своего*⁸, то может уклониться к мнению Ария и изострить язык против Божества Сына. Содержащуюся в этом хулу легче отразить и разоблачить многими способами, но ничуть не хуже и тем, что показывающий и открывающий, что слово ἔκτῆσεv произносится через «иту», а не «иоту», загонит болтливую дерзость еретического образа мыслей в молчание стыда. Ибо слово, произносимое с долгою, не умаляет природу, ни сводит её к меньшему, и не низводит нетварную сущность к твари (да не будет!), но скорее описывает близость и приятие, и общность единоприродных, Отца и Сына. Ибо Родитель, неотлучно везде сопребывающий Рождённому

XIV ἐγκαλύψαι «скрыть от» Т

XV ἀπαλλαγὴ «избавление» Т

а Иов 6, 11 б Иов 23, 3 с Иоиль 2, 14

8 Прит. 8, 22. Речь идёт о двух разных глаголах: κτάω (чаще κτάομαι, приобретать) и κτίζω (основывать, возводить)

и не делающий ничего отсечённого и отдельного от Его воли и желания, ни в создании, ни в промысле, ясно, что производит всё и удостоивает промысла с усвоением и приятием советов Сына: ибо у кого непреложное и общее достоинство, природа и власть, у Тех, понятно, и создание и произведение нераздельно и неразлучно и не терпит никакого различия воли. Что и засвидетельствовано предложенным выражением: ибо оно учит, что при миротворении вселенной, и обновлении, и спасении согрешившего и падшего в сокрушение рода нашего творение и промысел общие у Отца и Сына. Ибо приведение всего из не сущего и восстановление, и возвращение к лучшему нашей природы, уклонившейся к худшему, ясное дело, принадлежит творению и промыслу Отца и Сына, и Святого Духа. Но написание с удлинением или сокращением, чтобы сказать на примере, таким образом развеивает недомыслие. Так же и слово ἐγέννησεν (родил), претерпев по злому умыслу или из-за невежества утерю одного «ни», вводит существование творений, а получив отнятое, направляет к единой природе и единосущию. И многое другое согласно внешней науке можно обнаружить и в наших священных вещаниях относящимся к тому же самому рассуждению.

Но не только прибавление или изъятие одной буквы ведёт к разрушению и изменению многих вещей, но и неуместное употребление ударения вместо одного показывает другое слово, хотя Писание остаётся неизменным, и, уведя ум к совершенно чуждому смыслу, порождает или злочестивое мнение, или смехотворнейший вздор. Да что я говорю о буквах, если само малейшее из всех, знак препинания, будучи извращён или не замечен и переставлен со своего места, породил всяческие и великие ереси, и долгое время опустошал умы несмысленных, и благочестивым доставил длительные усилия, чтобы разоблачить злочестивые учения.

Вот, например, чтобы оставить остальное, возвышенный человек и учитель вселенной, великий апостол в некоем из своих сочинений (это послание было направлено Коринфянам) говорит так: *у которых бог, века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа*^а. Но он, сказав это, тайноводствует посвящённым в его премудрость некий дивный ум, достойный небесных отзвуков; а злочестивые последователи Мани и Маркиона, ухватившись за это высказывание и пленив его для собственных устремлений, затем не позволили, чтобы между «*бог*» и «*века сего*» находилась запятая, и дошли до такого преизбытка злочестия, что не только [сами] впали в крайнее

а 2 Кор. 4, 4

нечестие, но и священным речениям приписали вину богоборчества и то, что они считают, будто есть один Бог, Которому принадлежит начало создания невидимых и умопостигаемых, а другого провозглашают создателем нынешнего века и всего, что одного с тем чина и порядка^a.

Но безумный навет на это речение может быть и со многих других сторон показан гнилым, но ничуть не хуже обличается и тем, что не оставил запятую спокойно стоять на своём месте. потому что и нынешний век иногда означает сам временной промежуток, а иногда — неподобающие деяния, которые имеют обыкновение возникать в этой жизни. Так что если кто и уступит им в злоумышлении относительно запятой, то нисколько не меньше обличит их мнение как опровергаемое: ведь злоначальный, как сеятель и подстрекатель злых дел и поступков, даже если его называть их господином, создателем и богом, приспособив слова к представлению служащих его порочности, их отступническое злоумышление не получает от этого никакой пользы, потому что и языческие идола, не будучи тем, чем они назывались, всё-таки назывались богами^b. Ибо богом какого-либо создания или вещей, имеющих устойчивое и познаваемое существование, он никоим образом не может ни называться, ни считаться, но богом противозаконных страстей и греха, которыми он наслаждается и упивается и непрестанно стремится обманом завлечь в них и других, и пока он так делает, никто не освободит его от этого губительного и жалкого господства и начальства.

Но я знаю, что священное речение Павла не только таким умозрением избегает отступнического мнения, но и если кто оставит в стороне рассуждение про запятую, их наглость посрамляется ничуть не хуже. Ибо как истинный Бог наш и создатель всего может называться Богом неба и земли и Богом Авраама, Исаака и Иакова, и Богом утешения, и Богом мира, и из этого не следует, что Он не есть^{XVI} Бог того, что одного чина и порядка [с этим], но скорее из этих вещей, чьим Богом Он называется, вытекает, что есть Бог и прочих, так и названный Богом

XVI οὐκέτι «больше не» T

a *Joannes Chrysostomus*. Homiliae in II Epistulam ad Corinthios 8, 2 // PG. 61. P. 455:8–15. Cf. *Theodoretus Cyrrhensis*. Interpretatio in II Epistulam ad Corinthios // PG. 82. Col. 400C:10–400D:10 b Cf. *Cyrillus Alexandrinus*. Interpretatio in II Epistulam ad Corinthios // PG. 74. Col. 932D:4–8

века сего по части, понимается и проповедуется как Бог всего, что относится и к умопостигаемому миру, и к чувственному.

Кроме того, и если понимать речение по переносу, оно легко избегает всяких придиорок клеветников: ведь Бог ослепляет умы неверных века сего, то есть полагает их недостойными созерцания вещей чистых, через которое им можно было бы стать осиянными евангельским просвещением. Ибо неверные нынешнего века оставляются и возмущаются, и быть приверженными собственному господину и творцу, а в будущем, когда *пред* Ним *преклонится* всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедается Ему^а, никакая тьма или мгла отступничества, любопрения или неведения не закроет от них понимания Его господства и державы над всеми.

Но то, о чём мы говорили, рассуждение о запятой, не только в богдохновенных речениях Павла если извращается, то даёт повод к заблуждению, а при правильном воззрении опровергает уловки обмана, но и в самих высказываниях Владыки и Господа даёт немалый толчок в ту или другую сторону. Ибо сами любители отступничества, не желая признать, что это прекрасное и удивительнейшее произведение владычного творения — я говорю об этом великолепном видимом мире — есть дело Создателя, но стараясь отнести его к какому-то нелепому иному началу, не принимают, что слова *Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть*^б, заканчиваются точкой, но присоединяя к предыдущему «в Нём»^с, тогда уже оставляют высказывание завершаться точкой. Зачем? Чтобы, утверждая, будто через Него начало быть только то, что в Нём, что бы там не выдумали их суетные помыслы, отнять у Него возникновение и создание всего, что начало быть. Ты видишь, как и то, чего меньше не сыскать, если его не подвергнуть подобающему суждению, становится для нечестивых поводом и прибежищем для таких нелепых и злочестивейших мыслей?

Небезызвестно мне, что это речение, произнесённое самолично Владыкой, претерпело и некие другие нападки по той же причине. Ибо общее и неискажённое слово истины, как уже сказано, ставит точку после «*Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть*»^д, а они ставят её перед «*что начало*», и с другого начала произнося «*что начало быть в Нём, была жизнь*»^е не обозначают никакого необходимого смысла, но открывают широкую дорогу для желающих поиздеваться над таинственными и страшными красотами наших

а Фил. 2, 10–11

б Ин. 1, 3

с Ин. 1, 4

д Ин. 1, 3

е Ин. 1, 3–4

священных Писаний. Ибо зачем, хотя можно было довольствоваться известным и прекрасно толкуемым, презирать это и искать украситься тем, у чего этих преимуществ нет, а только новизна? Я не выношу приговор всем, но только тем, чьё умонастроение показывает мне, что они говорят правду^{xvii}. А начал этот путь, если мне не изменяет память, многоучёный, но ничуть не меньше много заблуждающийся Ориген^a: перенимает же подражание духоборец⁹ хоть и не злочестию (ибо тот, переставляя точку, не переиначивал одновременно и благочестие), но, по крайней мере, нововведению с точкой. Будучи ревнителем чтения вслух, духоборец сделал таковое чтение орудием своего злочестия. Ибо, сложив из предыдущей последовательности «что начало быть в Нём», разбивая предложение и убрав точку из следующего промежутка, он дерзко и безбожно обращает это против Духа, через слово «начало быть» (γέγονε) причисляя нетварную природу к возникшим и находящимся среди творений, хотя и последовательность слов не допускает такой порчи, и никакая другая причина не подталкивала^{xviii} его к злочестию. Аполлинарий же, тоже взявшийся по преемству подражать Оригену, не стал подобным же образом и подражателем его мысли. Ибо та, хоть и причудлива, однако, при том, что не влечёт никакой другой нелепости, не совсем лишена и некоторого изящества — а этот, не сказав ничего, заслуживающего похвалы, обратил своё усердие в многословный вздор и нескладные утверждения, и тем, что говорит, почти что олицетворяет пословицу про боб и соль¹⁰. А если и боговещанному Кириллу нравилось такое положение точки, то насколько он был далёк от мнения злочестивых, настолько и [его] толкование речения показывает различие по отношению к их потугам.

Но я хорошо понимаю, что тебя самого не нужно убеждать в том, что чем искать, чего не следует и сталкивать друг с другом божественные речения, лучше задаваться вопросами ради познания, а ещё гораздо более упражняться в рассмотрении и умозрении так называемых обстоятельств или как есть другой им подобный способ [толкования].

XVII что они говорят правду: что их помысел (λογισμὸν) истинен φ XVIII παρακράτουσῆς «удерживала» Τ

a *Origenes*. Commentarii in Evangelium Joannis II, 10–19 // PG. 14. Col. 141C:1–157B:1. Cf. *Joannes Chrysostomus*. Homiliae in Evangelium Joannis 5 // PG. 59. Col. 53:38–42

9 Македоний, осуждённый на II Вселенском Соборе.

10 Пословица обозначает человека, который, ничего не зная, притворяется знающим.

Я бы не без надежды просил тебя и для других быть учителем. Но воображаемое противостояние, как будто бы проходящее через священные Писания, делится не только на приведённые виды, но о многих других мы ещё не упомянули: а упражнение в названных не ограничивает пользу только ими, но даёт великую силу и мощь для исследования истины и различения и подобных вещей. Ибо и то, что искажается в сомнительный и противоречивый смысл через перестановку слов, глаголов или имён, или пропуск их, или сокращение, или употребление в переносном и метафорическом значении, и в этом поднаторевший в вышеописанных подходах, применив и тут мерило точности, без труда разделит спутанное и здесь и там перевёрнутое утвердит в распознавание истины.

Вот, например: разве не легко обличить отсюда то, что породил род антропоморфитов? Ибо приучившийся рассматривать различия в таких вещах и знающий, что смешение производит великое заблуждение, сразу распознаёт и различает, что одно слово употребляется в переносном смысле, а другое — в собственном: а еретические мнения, ничего из этого не принимая во внимание, что сказано о Боге метафорически и в переносном смысле, не желая видеть инаковость переносного и прямого значения, злостиво и неразумно придумали, будто простая, непостижимая и безобразная сущность Бога имеет руки и ноги, и глаза, и обоняет, и слышит речи, и что Божество имеет подобный нам облик.

Посему и если что другое из священного Писания еретический или любящий споры помысел, схватив, постарается увлечь к злостию или недоумению^{XIX}, то, если он строит козни отдельно по каждому из разобранных случаев, оттуда и будет против него неизбежное опровержение, а если по отдельности из того, что пропущено, то нетрудно извлечь из вышесказанного подобное же суждение и на это и подвергнуть подражателя тем же разоблачениям, которыми были отбиты и предыдущие. И именно это, наряду с прочим, заставило нас не излагать все причины по отдельности: ведь мы и не обещали делать их перечень, и из вышеизложенного несложно уловить умозрение и различие пропущенного, и потому что другие вещи не так находятся на поверхности и вредят многим, и потому что то, в чём ты сам ранее затруднялся, согласно нынешней просьбе получило достаточное разъяснение и разрешение недоумения.

XIX ἐπιρείαν «вредительству» φ

Впрочем, если кто-нибудь и это назовёт находящимся на поверхности — ибо и для прочих еретиков, и для иконоборцев тут великое прибежище — священный глас часто, создавая обобщающее высказывание, требует понимать его не в обобщающем смысле, но, направляя повествование на нечто определённое и о чём уже шла речь, обнаруживает частное утверждение. Таково [речение]: *Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть вору и разбойники*^a. Ибо сторонники Маркиона и соседней с ним шайки подводят под обобщающее свойство этого высказывания Моисея и других пророков Божиих, богохульствуя, будто Ветхий Завет есть изделие лукавого: хотя это, что очевидно было сказано не применительно к ним, но к тем, кого время незадолго до пришествия Владыки явило обманщиками и прельстителеми. Ибо предположение, согласно которому это речение Владыки было направлено на бесов, хотя и не относится к нечестивым мыслям, хотя и так же предполагает, что обобщающее утверждение не всегда требует обобщающего и понимания, тем не менее излишняя сложность и не прямое отношение к евангельскому смыслу ставит его на второе место по сравнению с вышеназванным. Впрочем, навязывающие обобщающему образу высказывания неразумную и злочестивую дерзость богоборцев считают слова Господа убежищем собственного нечестия.

Подобно этому и речение: *всё через Него начало быть*^b, и подобным же образом духоборцы используют его как орудие заблуждения: ибо, не исключая Пресвятой Дух из «всего» из-за обобщающего высказывания, они богохульствуют, что и Он «начал быть».

И множество другого священные речи выражают более обобщённым образом, а значение подразумевают более частное. Например, *суета сует*, — *всё суета*^c. Ведь к суете не относится ни добродетель, ни премудрость, ни благочестие. И: *все уклонились, сделались равно непотребными*^d, потому что это не относится к тем, кто от Бога в каждом поколении были увенчаны победителями страстей, бесов и тиранов. И много такого прочего можно было бы усмотреть на досуге — но, я думаю, и представленного достаточно: ибо безумие иконоборческого беснования с помощью такой злокозненности мы разоблачили в отдельной речи вместе с остальными их безрассудными скверными уловками.

Но то, что многие из недоумений нуждаются в предварительных пояснениях, и что твои [вопросы] разобраны прежде бывшими святыми

a Ин. 10, 8 b Ин. 1, 3 c Еккл. 1, 2 d Пс. 13, 3; 52, 4; Рим. 3, 12

мужами и нами самими, теми руководствовавшимися, и что мы изложили большинство причин, по которым обычно возникают затруднения, наше рассуждение показало. И что мы везде нашли точное решение, я бы не утверждал — но в том, что мы предложили меньше, чем было спрошено, никто не обвинит нас перед судом истины, [осуждающей] гордые речи.

Saint Photius of Constantinople. Amphilochia. Treatise 1

Translation from Ancient Greek, Preface and Notes

Dmitriĭ E. Afinogenov

Doctor of Philology

Leading Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Professor of the Department of Byzantine and Modern Greek Philology of the Faculty of Philology, Moscow M. V. Lomonosov State University

32A Leninsky prospect, Moscow 119334, Russia

logotheta@mail.ru

For citation: *Photius of Constantinople, St. Amphilochia. Treatise 1*. Translation from Ancient Greek, Preface and Notes by Dmitriĭ E. Afinogenov // *Bible and Christian Antiquity*. 2019, vol. 2, no. 2, pp. 78-108. (In Russian) doi: 10.31802/2658-4476-2019-2-2-78-108

Abstract. The first treatise from «Amphilochia» by the St. Patriarch Photios expounds the general principles of the biblical exegesis on a specific example of certain passages from the Bible. It is not just the theological or historical context that has to be taken into consideration, but also purely philological aspects, such as semantics, intonation, the language usage of the New Testament and Septuagint, possible variant readings etc. The Patriarch is convinced, that the correct application of these tools makes it possible to perfectly harmonize all seemingly contradictory statements of the Scriptures.

Keywords: Photios of Constantinople, Byzantine theology, biblical exegesis, Byzantine philology.